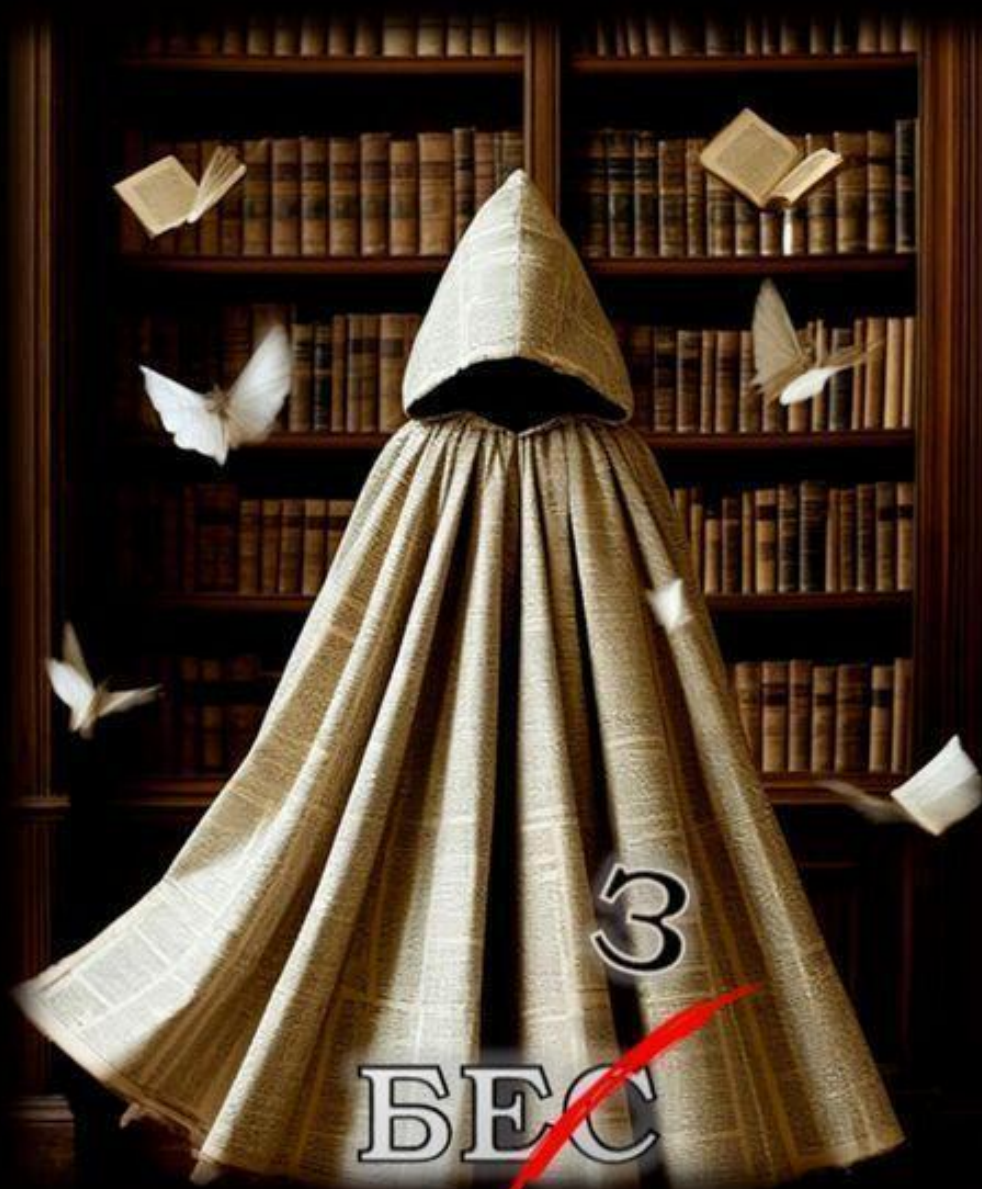

18+

Анаис Хамелеон

БЕС
ПЕРЕПЛЁТА

Анаис Хамелеон

Без переплёта

«Издательские решения»

Хамелеон А.

Без переплёта / А. Хамелеон — «Издательские решения»,

Призрак великолепного итальянца и библиотечный домовый, кот, рассыпающий искры, и трёхсотлетний сотрудник — работа в старинной библиотеке провинциального городка становится для главной героини чем угодно, но только не унылой рутинной. Чтобы спасти себя и других, ей предстоит разгадать тайну Книги Судеб и найти собственный путь, не описанный ни в одном фолианте. Эта книга о том, что даже в самой тёмной истории возможен светлый финал.

© Хамелеон А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Без переплёта

Анаис Хамелеон

© Анаис Хамелеон, 2026

ISBN 978-5-0068-7640-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Центральная библиотека №4 города Стклянска прячется в глубине старого, чуть запущенного сада. Мрачноватый особняк утопает в зелени трёхсотлетних лип и дубов, а затейливо переплетающиеся дорожки так и норовят скрыться в высокой газонной траве. Несколько десятков розовых кустов украшают площадку перед главным входом в библиотеку.

Но всё это великолепие Дора рассмотрела, лишь попав на территорию учреждения культуры. Старый-престарый забор из бутового камня надёжно скрывает от любопытных взглядов и здание, и весь прилегающий участок. Дора не смогла даже примерно оценить размеры этого участка, но от порога особняка забор уже не видно из-за деревьев, как не слышно и уличного шума: проезжающих автомобилей, позвякивающих трамвайчиков, гомона детворы.

Дора вдруг подумала, что и вся городская окраина, где облюбовала себе место Центральная библиотека №4, отличается спокойствием и немногочисленностью. Мысли перескочили на её собственный домишко, доставшийся в наследство от скоропостижно скончавшейся накануне своего девяностодевятилетия троюродной тётки, с которой Дора ни разу в жизни не встречалась, обмениваясь дежурно-вежливыми открытками. Интернета и телефонов Нимфодора Каитовна не признавала, так что это действительно были открытки, писанные от руки. Причём праздники старуха выбирала каждый год разные: то Рождество, Первомай и Лугнасад, то Живин день, Купалу и день тезоименитства последнего российского императора, а то вспоминала Имболк и Масленицу.

Началась эта переписка с дюжину лет как. Аккурат в год, когда Дора осталась на белом свете одна-одинёшенька. Неизвестная хворь унесла жизни отца и матери в пару месяцев. Врачи разводили руками. Версия с отравлением не подтвердилась. А больше у тридцатишестилетней Доры Адамовны никого из родных и не было. Так она думала, пока не получила пространное письмо с соболезнованиями от двоюродной сестры деда по отцу.

Дора в те дни ещё не отошла от похорон, но удивилась созвучию собственного имени и имени неожиданной родственницы. Что писать в ответ, она не очень понимала: тётка ни о чём не спрашивала, не интересовалась ни подробностями произошедшего, ни жизнью внучатой племянницы, ничего не просила. Лишь многословно и витиевато выразила сожаления о безвременной кончине двоюродного племянника и его супруги. Даже вместо адреса указала: Стклянск, до востребования. Так что Дора в ответном письме попыталась сама наладить общение по-родственному. Но все её попытки ни к чему не привели.

Тётка писем более не писала, но начала присылать открытки к праздникам. Эти открытки Дора бережно хранила даже не потому, что они были от единственного её родственника (никаких родственных уз она не ощущала), а из-за изображённых на них пейзажей и городских видов. Это были не фото, а репродукции картин. Дора решила, что автор этих изображений малоизвестен, но невероятно талантлив. Она могла подолгу, не отрываясь, разглядывать открытки. Хранила их аккуратно стопочкой. Общим счётом за дюжину лет набралось с полсотни таких картинок. И ведь ни разу не повторились!

Поскольку Дора даже предположить не могла, к какому празднику прилетит следующая открытка, сама она тётку исправно поздравляла с Новым годом, 8 Марта и Днём Победы. Поздравляла бы и с днём рождения, да не знала, когда он.

Жизнь после смерти родителей так и не наладилась. Дора и без того не была слишком общительной, а тут и вовсе замкнулась. Постепенно круг общения из небольшого превратился в практически нулевой — все контакты ограничивались рабочими взаимодействиями. А вне работы Дора была одна. Одиночество и успокаивало, и выматывало. Хотелось какого-то движения, перемен, но не находилось моральных сил что-то сдвинуть.

И вот — извещение от нотариуса.

Дора не раздумывала ни минуты. Уволиться повезло одним днём — на её место в областной библиотеке желающие нашлись.

Так она стала владелицей крохотного деревянного дома на две комнаты с кухонькой.

После родной квартиры наследство шокировало. Но отчего-то желания немедленно вернуться и сожалений о поспешном увольнении не было. Дора чувствовала, что её жизнь наконец-то повернула в правильном направлении.

Вещей у неё с собой было — ровно один чемодан. Самое необходимое есть, а остальное и докупить можно. Она никогда не путешествовала, но интуитивно понимала: лишнего ей не надо.

Дора тряхнула головой, настраиваясь на деловой лад, решительно поднялась по ступенькам и потянула тяжёлую дубовую дверь. Та на удивление легко подалась, открывая вход в просторный холл. Уже сделав шаг, Дора едва удержалась, чтобы не вскрикнуть: прямо на неё двинулась тёмная размытая фигура. Дора замерла от неожиданности, но через мгновение нервно рассмеялась. Напротив входной двери находилось огромное старинное зеркало, исказившее вошедшую до неузнаваемости.

Дора подошла к зеркалу поближе, критически разглядывая себя. Ну да, бывшая красота начала увядать: и в волосах соли больше, чем перца, и сеточку мелких морщинок трудно не заметить. Но взгляд полуночно-чёрных глаз по-прежнему остёр. Да и фигура всё так же подтянута: спортзал пять раз в неделю не оставлял времени на излишнюю самокопательную муть.

Она внимательно огляделась. Холл был увешан картинами, производящими впечатление очень старых, даже потемневшими от времени. Ярких красок там совсем не было. Чуть поодаль от зеркала, в нише, стояли роскошные, выше человеческого роста, инкрустированные золотом напольные часы с боем. Мерное звучание механизма в пустом холле раздавалось отчётливо и торжественно.

Из холла было два выхода: направо и налево. Дора внимательно осмотрелась, пытаясь обнаружить, где находится кабинет начальства, и заметила над дверным проёмом, ведущим в правый коридор, едва различимую надпись «Администрация».

В самом конце коридора перед широкой лестницей на второй этаж обнаружился кабинет заведующей. Дора постучала и вошла.

За монументальным письменным столом из морёного дуба восседала крупная пожилая дама. Назвать её просто женщиной язык бы не повернулся. Уложенные в замысловатую причёску седые волосы отливали благородной платиной. Даже рюши кружевного жабо на белоснежной блузке всячески демонстрировали солидность и элегантность. В воздухе витал едва уловимый аромат лаванды и чего-то древесного.

Хозяйка кабинета пристально взглянула на вошедшую через очки в тонкой металлической оправе и строго спросила:

— Имя?

Дора начала объяснять, что она здесь по вопросу имеющихся вакансий, но под суровым взглядом язык отказывался повиноваться.

— Дора, — только и выдавила она. — Панова Дора Адамовн...

— Наконец-то, — недовольно бросила заведующая. — Вы не очень-то торопились. Рабочий день начался. На первое время за вами секция недописанных романов. Осваивайтесь. Потом подумаем, что вам подойдёт больше. У вас ровно час, чтобы познакомиться с сотрудниками. Пройдите по отделам, осмотритесь. С полудня будьте любезны приступить к своим обязанностям. Ступайте.

И дама продолжила изучение какого-то ветхого свитка.

* * *

Дора растерянно вышла в просторный коридор. Сразу за кабинетом начиналась лестница. Её тёмные каменные ступени, стёртые тысячами шагов, были чуть вогнуты посередине, как бы продавлены тяжестью неумолимого времени. Новоиспечённая сотрудница секции недописанных романов усмехнулась странному гипнотическому воздействию окружающей обстановки и отправилась обратно по коридору навстречу неизведанному. Вначале нужно исследовать первый этаж, а потом уж и наверх можно подняться.

Способ, каким она была трудоустроена, немного смущал. Но... Отличница в школе, активистка в университете, строгая и деловитая на работе, аккуратная в быту — Дора всю свою жизнь жила правильно и размеренно. Приключения ей только снились. А тут открылась такая потрясающая возможность!

— Да что ж ты рот раззявила! Глаза нужны, чтобы под ноги смотреть, а не мух считать!

Дора шарахнулась к стене, а румяная тётка, которую она чуть не сбила, шаркнула пару раз шваброй по и без того сияющему паркету.

— Тебя кто пропустил? — грозно спросила тётка, сверкая тёмными глазищами из-под кустистых бровей. — Санитарный день. Читателей не обслуживаем.

Дора приветливо улыбнулась.

— Я новый библиотекарь. Вот, знакомлюсь с...

— Ну так и ступай к книжкам, библиотекарь! — не снижала напора грозная тётка. — Нечего по коридорам полы топтать.

И, распахнув ближайшую дверь без таблички, радетельница чистоты ловко втокнула Дору в тесную комнатуху. Дора даже пискнуть не успела.

В помещении у окна стояла высокая тумба с ворохом пожелтевшей бумаги, а всё остальное пространство занимали массивные деревянные стеллажи, доходящие до потолка. До очень-очень высокого потолка.

Тут послышалось шуршание, причмокивание и причавкивание. Потом кто-то закричал, и Дора увидела, как из-за тумбы осторожно выглядывает растрёпанная рыжеволосая женская голова. Обитательница комнаты торопливо что-то дожевала, отёрла губы, перепачканные красным, и радостно завопила:

— Кого я вижу! Наконец-то свежая кровь!

Дора не то чтобы боялась вампиров, но очень уж вся обстановка не вписывалась в привычные рамки.

— Извините, — выдавила она и хотела было повернуть на выход, но её схватили за рукав.

— Прости-прости! — зачастила странная девушка. — Ты не подумай, я просто на диете, а Арсений вечно насмешничает. Ну я и перекусываю, пока он опись делает. Ой, я же не представилась. Привет! Меня Машей зовут. Ну то есть Марией Ефимовной. Ты запоминай, а то Людусик лает, когда сотрудники на «ты» и без отчества между собой.

— Людусик? — Дора слегка опешила от этого потока слов.

— А, ну заведующая — Людмила Петровна. Ты же с ней должна быть знакома, иначе, как здесь очутилась?

Дора понятия не имела, как она здесь очутилась, но Маша, которая Мария Ефимовна, ответа не ждала.

— Ты по коридорам не ходи. Коридоры для читателей. Между всеми отделами можно пройти и так. Тебя Швабра шваброй не стукнула?

Дора поёжилась:

— К счастью, нет. А могла?

— Ещё как! Она бы и читателей всех мокрой тряпкой гнала подальше, но тогда её саму Людусик в ведре утопит. Ой, что ж я не спросила, ты варенье будешь?

Мария Ефимовна нырнула за тумбу и выудила оттуда пузатую банку с вишнёвым вареньем. Дора помотала головой:

— Спасибо, не люблю сладкое.

— Счастли-и-ивая! — Мария Ефимовна с завистью вздохнула. — А я всё клянусь-клянусь не есть сладенькое, но без варенья жить не могу. Где ж тут похудеть?!

На первый взгляд, никаких диет ей не требовалось. На второй тоже. Маша никак не могла бы назваться не то что полной или полноватой, совсем наоборот. Дора вынуждена была признать, что даже джинсы с ультранизкой посадкой, обнажающие тазовые косточки, сидят на ней идеально. Вот если б не эти джинсы, не синие и зелёные пряди в рыжей шевелюре и не пара колечек в брови, совсем красоткой была бы. Дора критически подумала, что хоть Мария и выглядит очень молодо, но ей явно хорошо за тридцать. И это не тот возраст, когда подобное уместно.

— А что это за отдел? — Дора заинтересованно разглядывала огромные фолианты в кожаных переплётах. Такие ей никогда не доводилось держать в руках. Только в музее видела.

Мария мгновенно посерьёзнула.

— Это Хранилище уставших строк. Если хочешь полистать, обязательно надевай перчатки.

— Такие ветхие?

— Такие едкие!

Дора пожала плечами. Подумаешь, какое остроумие! А то она сама не знает, как обращаться с антикварными экземплярами.

Мария-Маша виновато улыбнулась:

— Ты извини, но пыль сама себя не протрёт. Дверь в следующий отдел за стеллажами. Аккуратнее, не споткнись о порожек. И не пугайся, если что.

Дверь за указанным стеллажом была не похожа на обычные, межкомнатные. Сверху донизу полотно из тёмного дуба украшала филигранная резьба с настолько тонкими завитушками, что дерево казалось не толще бумаги. Страшно было даже прикасаться к такому изяществу. Но как-то же сотрудники перемещаются из отдела в отдел?

Тихий скрип старых петель показался Доре похожим на шелест книжных страниц, а негромкий стук, с которым дверь за ней закрылась, — на недовольный вздох. Впрочем, всё здесь так или иначе казалось живым. К этому просто нужно привыкнуть: старые дома все такие. Даже столетнее здание будет скрипеть половицами, хлопать ставнями и гудеть ветром в трубе. А этот особняк куда старше на вид.

Оказавшись за дверью, Дора не смогла сдержать восхищённого вздоха. Огромный зал напоминал музейную экспозицию: стеллажей здесь не было, всё пространство, сколько хватало глаз, занимали аккуратные столики на изогнутых ножках. На каждом столике лежало по одному толстому тому. Страницы под весомыми обложками не прилегали аккуратно одна к одной, а словно бы чуть корбились, делая книги ещё толще на вид.

Между столиками с пипидастром в руке деловито прохаживалась светленькая девчушка с забавной причёской, напоминающей афро. Она тщательно смахивала невидимую пыль с книг, при этом наклоняясь над каждой и что-то доверительно шепча. Гостью она не замечала до тех пор, пока Дора не подошла вплотную и тихонько не кашлянула.

— А-а-а-а!!!

Такой реакции Дора не ожидала. Ну вздрогнуть — да. Но чего так орать-то? Нервная библиотекарьша замолчала, сделала страшные глаза и схватила Дору за руку:

— Бежим!

Они вихрем пронеслись по всему залу и, не останавливаясь, вылетели в следующее помещение. Девушка плотно захлопнула дверь и, тяжело дыша, закрыла её на засов. За дверью раздалась сначала редкие хлопки, потом всё чаще, чаще, и вскоре началась такая какофония, хоть уши затыкай.

У девушки задрожали губы.

— Ну вот зачем было подкрадываться? Теперь снова всё по местам раскладывать.

Дора начала подозревать, что стала жертвой не очень умного розыгрыша. Её так грубо наталкивали на мысль о мистической подоплёке происходящего, что верилось всё меньше. Ладно. Пусть себе развлекаются. Она станет смотреть и наслаждаться представлением. А может, даже подыграет, поучаствует в спектакле. В конце концов, четвёртая стена должна быть разрушена!

— Я Рина, — как ни в чём не бывало сообщила девушка. — Ты новенькая, да?

Дора кивнула и в свою очередь представилась.

— В Зале спящих воспоминаний нельзя шуметь. От этого воспоминания просыпаются. Тебе инструкцию не выдали?

Инструкция — это интересно. Дора никогда не отказывалась от возможности изучить очередной циркуляр. А уж в подобных обстоятельствах это вдвойне волнительно. Это как подарок на приближающийся день рождения.

Дора замерла. А что, если всё происходящее сродни городским квестам, на которые так падки её коллеги с прошлой работы? Ну ладно, ладно, она и сама пару раз участвовала в чём-то подобном. Может, это попытка её расшевелить таким образом? Ей ведь все говорили в последнее время, что она совсем скисла.

— Ау! — Рина помахала рукой перед самым её носом. — Тебя в какую секцию определили?

— Недописанных романов.

— У-у-у! Скука смертная, — скривилась Рина. — Просись к Арсению Антоновичу в помощники. Тогда точно не заскучаешь. А недописанки и без присмотра не шалят. Ну ты давай к себе, а то полдень скоро, Людмила Петровна дозором пойдёт. Увидит кого не на месте — мало не покажется.

— Да куда мне идти-то?

— Вон в ту дверь и налево.

«Вон та дверь» привела в каморку к тому самому Арсению Антоновичу, которого упоминала Рина. Оказался милейшим старичком. Даже проводил самолично, не отделиваясь указаниями, куда новенькой пойти.

И, сама того не заметив, Дора погрузилась в привычную атмосферу санитарного дня. Протереть, смахнуть, поправить — обычная библиотечная уборка. Отдел был небольшим, стеллажи невысокими, а рукописи стояли ровными рядами, не пытаясь шлёпнуться на пол. Наведение чистоты заняло не больше пары часов, и оставшееся время до вечера Дора посвятила изучению каталога.

* * *

А санитарный день в Центральной библиотеке №4 всё не заканчивался и не заканчивался. Казалось, время, отведённое для наведения чистоты на стеллажах и в книгохранилищах, получило свойство растягиваться.

Дора нервно поглядывала на часы. Хотя и не ждёт никто дома, но пора бы и честь знать.

Густые осенние сумерки, с любопытством заглядывающие в окна, откровенно намекали, что рабочий день затянулся, а на часах стрелки никак не хотели показывать 18:00.

— Что, Дорушка, не утомилась ли?

Сухонький Арсений Антонович, неслышно возникший в дверях секции недописанных романов, устроился в кресле для читателей аккуратно напротив Доры и шумно отхлебнул ароматный травяной отвар из огромной глиняной кружки. На правах старейшего библиотекаря Арсений Антонович всех сотрудниц величал ласково-детскими именами, так что и почтенная Людмила Петровна у него Милушка, и бойкая молодящаяся Мария Ефимовна Марусенька, а теперь и Дора Адамовна, которой до полувекового порога всего ничего, Дорушкой стала.

Так ведь и не поспоришь. Старший библиограф ей в дедушки годится, не иначе под девяносто патриарху.

Арсений Антонович хитро прищурился и понизил голос до шёпота:

— Так что, Дорушка, как тебе первый день? Никто не напугал в нашем книжном царстве? Хотя... — старик сделал паузу, оглянулся и продолжил чуть зловеще: — Может, ещё испугаешься.

Дора перестала копаться в карточках, приподняла бровь:

— Арсений Антонович, если речь про сушёного паука в Антологии разрозненных отрывков, — я его вытряхнула. Согласна, безобразие. Мыши, надеюсь, у вас тут не водятся?

Библиограф покачал головой, сделал очередной шумный глоток и отставил кружку на ближайший стеллаж:

— Да что пауки... мелочи. Страник, сталбыть, не пугал ещё?

Где-то в глубине помещения с грохотом упала книга. Дора вздрогнула, а старик расплылся в довольной улыбке.

Дора поджала губы и сухо спросила, видя, что библиограф настроен пообщаться:

— Это который «библиотечный домовый»?

Арсений Антонович оживился:

— Ну какой же он домовый? Скорее уж «страничный». Появился-то из старых страниц, которым бы пылью осыпаться, ан нет! Вместо пыли наш Страник возник. Думаешь, почему санитарный день так тянется? Это ж он старается время растянуть, чтоб, значит, во всех уголках успели пыль протереть. Очень пыли не любит: боится, вишь, что конкуренты народятся. А Страник-то привык уж, что это его владения.

Центральная библиотека №4 и без того не вызвала у Доры особенно тёплых чувств. Одно название чего стоит! «Центральная номер четыре». Это как понимать прикажете? В Стклянске что, ещё три центральные библиотеки в наличии? Но ведь так не бывает?

А уж если вместо работы придётся выслушивать всякие байки... Дора, перебравшаяся в захолустный Стклянск из города-миллионника, не привыкла к пустой болтовне во время рабочего дня. В областной библиотеке, где она проработала большую часть жизни, так было не принято.

Дора отмахнулась от мыслей о странностях, сопровождавших её нынешнее трудоустройство, и вежливо поинтересовалась:

— И чем же ваш Страник так опасен? Почему я испугаться должна?

Арсений Антонович подмигнул новой сотруднице и заговорщицки предложил:

— А ты отвлекись от бумажек-то да старика и послушай. Глядишь, и работа далече поспокойнее пойдёт. Не то станешь ото всего шарахаться, так ведь и не приживёшься.

Дора с трудом удержалась от обречённого вздоха, вот ведь никто же за язык не тянул, отставила ящик с каталожными карточками и изобразила вежливое внимание.

— Так-то лучше, — удовлетворённо кивнул библиограф. — Страник, сталбыть, на глаза показываться не любит. Мало кто может похвастаться, что его видел. А я вот могу. Дело давнее, я тогда пацаном совсем был, студентиком. Здесь практику проходил переддипломную, значит. И вот однажды вечером, как уж читатели поразошлись, и наши все собираться начали, гляжу: тень за стеллажами мелькнула. Непорядок же! Думаю, может, кошка проскользнула. Надо бы посмотреть. Тихо-тихо подкрался, чтоб не спугнуть, если и правда животное, а та-а-ам...

Арсений Антонович сделал драматическую паузу и продолжил:

— Стоит между стеллажей фигура. И не поймёшь, что за существо. Вроде человечка ростом с первоклашку. Сгорбился, будто прячется. А сам в плащ укутан. Я пригляделся, а то и не плащ никакой, а страницы книжные. И всё осыпаются, осыпаются и пропадают с глаз. И не заканчиваются.

Дора с тоской подумала, что только старческого маразма ей в этот бесконечный день не хватало для полного счастья.

— Так вот, человечек этот цап томик с полки, раскрыл его и ну страницы облизывать! Я так и остолбенел. Вот, думаю, доработался. А незнакомец головёнку повернул, на меня зыркнул и рассыпался пылью. Да и та под стеллаж втянулась. Я когда к тому месту подскочил, там уж и следа не было.

— А как же вы узнали, что его Страник зовут? — исключительно из вежливости спросила Дора.

— Ну это уж мне Марфа Степановна, заведующая тогдашняя, рассказала. Ты, Сеня, говорит, не пугайся. У нас, дескать, дух-хранитель в библиотеке имеется. Ты его уважай, соблюдай правила, он тогда вредить-то и не станет.

И понеслись подробности бурной речкой — не остановишь.

Дора узнала, что упомянутая Марфа Степановна была по молодости горяча да сурова. Очень любила коллектив в строгости держать. Но как-то раз пришла она за новинками горячо любимых детективов в отдел абонемента, а формуляра-то её и нет. Ох она и устроила выволочку работникам! Они уж собирались новый формуляр завести, а никак — все ручки из строя вышли. И едва заведующая хотела с книжками без записи из отдела выйти, как с верхотуры ей прямо на голову упало новёхонькое издание с названием «Не ори почём зря». А автором значился Д. Страник.

Марфа Степановна тогда книжки побросала и как ошпаренная с абонемента вылетела. Пока заведующую в чувство привели, валерьянкой отпоили да странное издание искать кинулись, оно уж как сквозь землю провалилось. А пропавший формуляр, наоборот, стоял на месте как ни в чём не бывало. Заведующая с тех пор ни разу в стенах библиотеки голос не повысила.

Дора при этих словах только хмыкнула. И тут же ей ответом раздался тихий шелест сразу везде, а вроде и нигде.

Но случай с заведующей задолго до Арсения Антоновича произошёл. А на его памяти был инцидент с «Онегиным». Прибежала разгневанная учительница литературы с претензией, что её класс принёс на урок книги со строчками, которых в романе Пушкина никогда не было. Цитировала:

— Мне Страник — вдумчивый читатель —

Подсказки верные давал.

Порой шутил он, как приятель,

Когда каракули листал...

И так по всему тексту: то там, то здесь встречался непонятный Страник. А когда эта учительница высказывала своё недовольство, в зале библиотеки стоял тихий звон, то ли стёкла в окнах дрожали, то ли дребезжащий смех ото всех полок раздавался.

«Онегина» потом, конечно, проверили. Ни в одном экземпляре из двадцати семи никакого Страника и в помине не было.

А ещё в Центральной библиотеке №4 нет задолжников. Совсем-совсем. Больше чем на три дня никто книги не задерживает. А если возникла надобность дольше с печатным изданием работать, никто не забывает продлить. Всё потому, что каждый, не сдавший книгу вовремя, перестаёт спать. Лежит ночью и мучается думами о том, что надо в библиотеку зайти.

А ещё...

Но тут раздался бой старинных часов из холла. В старинном здании все звуки слышны особенно гулко. Дора с непривычки снова вздрогнула, а библиограф осёкся на полуслове и принялся извиняться за многословность.

— Ты уж прости старика, деточка. Со временем сама всё узнаешь. В свою, значит, пору. А теперь и по домам пора. Но ты уж уголков-то в книжках не загибай. Добром не кончится.

И Арсений Антонович поспешил удалиться, словно нашкодивший кот. Дора пожалала плечами: у каждого свои слабости. Любит старый человек байками потчевать, что ж делать. Главное, чтоб умел вовремя останавливаться.

Отработавшая свой первый день в Центральной библиотеке №4 Дора Адамовна дисциплинированно проверила шпингалеты на окнах, выключила свет и вышла из помещения.

— Ишшшь, — прошелестело ей вслед ото всех полок разом, — не веришшшь. Ещё узнаешшшь...

— Не приставай к человеку. Сначала присмотреться надо, — ответил резкий сухой голос. — Может, это и не она.

Глава 2

Старый дом принял новую владелицу на удивление радушно: ни тебе мелких бытовых провокаций вроде подтекающего крана или щелей в разошедшихся рамах, ни сквозняков, ни бессонницы. Однако Дора не могла отделаться от мысли, что это всё не её, что она случайно оказалась в этой кухоньке с милыми салфеточками в шкафу. И вот-вот появится настоящая хозяйка и удивится присутствию самозванки. Но это, наверное, оттого что Дора всю свою жизнь прожила в одной квартире, никуда не переезжая.

За такими мыслями «самозванка» меланхолично крутила ручку древней меленки, со скрипом перетирающей зёрна арабики. Без ежеутреннего кофе день не начнётся. Это закон.

К тому моменту, как над старенькой джезвой поднялась пенка и по кухне поплыл бодящий аромат, нить рассуждений перекинулась по неведомой цепочке к названию города. Почему Стклянск? Если от «стекла», то буква потерялась. Если от «склянки», то буква лишняя. Непонятно. Этим вопросом Дора задавалась и раньше. Да пожалуй, всякий раз, как подписывала очередную открытку. Но тогда этот Стклянск был чем-то далёким и курьёзным, а раз уж ей выпало здесь поселиться, надо бы узнать, откуда такое имечко у города.

В приподнятом настроении Дора собиралась на работу. Её не оставляло предвкушение чего-то необычного, но в то же время близкого, понятного и вдохновляющего. Прошедший день с его странностями отнюдь не выбил из колеи. Было ощущение, что попала именно туда, где ей и надлежит быть. А что до забавных розыгрышей и подколов от новых коллег, то пока они безобидны, можно не обращать внимания.

Библиотечная работа за почти три десятилетия Доре ничуть не наскучила. Наоборот, в окружении старых томов (а на прежнем месте Дора заведовала сектором редкой книги), она чувствовала себя на своём месте, словно в этом её предназначение. И если бы смерть тётки не совпала со сменой руководства, может, и не уехала бы так скоропалительно.

«Новая метла» в директорском кресле сочла, что все процессы необходимо оптимизировать, трансформировать и персонализировать в кратчайшие сроки. Креативные технологии встали во главу угла. Челленджи, митапы, флешмобы и прочие хэппенинги стали важнее общения с читателями и работы с фондами. Областная библиотека начала превращаться в помесь ДК и волонёрского центра. Так что консервативная в профессиональных вопросах Дора наследство в Стклянске сочла знаком свыше.

На этот раз тёмная фигура, шагнувшая навстречу из сумрака, не напугала. Дора приветливо кивнула своему отражению и направилась было к секции недописанных романов.

— Дорушка, голуба моя, что ж ты в такую рань-то?

Из тёмного коридора потянуло ароматом мятного чая, а вслед за ним в холле образовался и старик-библиограф с уже знакомой глиняной кружкой. Он сиял широкой белозубой улыбкой, демонстрируя не то отличную генетику, не то мастерство стоматолога-ортопеда:

— Тоже ранняя пташка? Похвально, похвально! А пойдём-ка я тебя кое с кем познакомлю.

Старик распахнул неприметную дверь. До начала рабочего дня и впрямь оставалось время. Дора пришла пораньше, чтобы погрузиться в новую для себя атмосферу, понять, чем дышит библиотека, и что скрывать — пообщаться с новыми коллегами. Заведующая накануне выдала тяжёлый кованный ключ со словами: «Не опаздывать ни в каком случае. Приходить раньше можно». Так что приглашение Арсения Антоновича оказалось как нельзя более кстати.

— Арсений Антонович, дорогой вы мой человек! — из глубины кабинета раздался густой бас. — Не держите дверь открытой, я же просил!

Дора, повинувшись нетерпеливому жесту библиографа, поспешила войти, и дверь захлопнулась.

— Вот, Мишенька, у нас новая сотрудница. Извольте любить, как говорится, и жаловать. А обижать — ни-ни! Не вздумайте, сталбыть!

Из-за обшарпанного письменного стола, явно помнившего лучшие времена, выбрался настоящий гигант. Высоченный, плечистый, с аккуратной бородкой цвета спелой пшеницы и абсолютно гладким черепом — он напоминал бы викинга, если бы не добродушная улыбка и мягкий взгляд.

— Михаил, очень приятно, — прогудел гигант. — А вы?..

— Дора.

Михаил пристально на неё взглянул и отчего-то усмехнулся.

— Дора, значит... Ну Дора так Дора.

У неё по спине пробежал неприятный холодок. Что ему не понравилось в имени? Но Михаил уже вернулся к прерванному занятию: продолжил аккуратно подклеивать надорванные края старинной книги тонкой полупрозрачной бумагой. На выдавшем виды столе лежал самовосстанавливающийся коврик для резки, несколько шпателей, костяной нож, резак. Пахло не то влажным картоном, не то крахмалом.

Реставратор, казалось, не был склонен развлекать гостей, и старик, многословно извиняясь за беспокойство, потянул Дору к выходу.

— Арсений Антонович, а отдел абонементов у нас где?

Познакомиться с остальными отделами и сотрудниками она ещё успеет, начинать следует постепенно. А абонемент — это же сердце и лицо библиотеки. Хоть Дора и проводила большую часть времени в секторе редкой книги, но никогда не отказывалась поработать на абонементе. Вспомнилось, как читатели благодарили, как пенсионеры признавались, что без книг никак не могут заснуть, а студенты радовались, когда находили источники для курсовых. И все в один голос заверяли, что электронные книги «это не то», что в интернете толковой информации с гулькин нос, и ту не сыщешь.

— А и впрямь! — оживился библиограф. — Милушка только рада будет, ежели с читателями подсобишь. Ташенька-то уж третью неделю не появляется. Все по очереди дежуришь, книжки выдаём. Идём, покажу всё.

Практически весь второй этаж особняка был отдан читальному залу и отделу абонемента. Сразу от лестницы, по которой Арсений Антонович взлетел вопреки возрасту через две ступеньки, начиналась длинная анфилада комнат с высокими потолками и причудливой лепниной. Стеллажи здесь поражали массивными формами, резными украшениями, бронзовыми накладками в виде грифонов. Ощущения роскоши добавляло и то, что изготовлены эти монументы столярного искусства были из палисандра и красного дерева.

Некоторые стеллажи, установленные на рельсах, передвигались по ним на колёсиках, открывая доступ к новым рядам. А вдоль самых высоких, расположенных у стен, находились изящные деревянные лесенки-стремянки с сиденьем вместо верхней ступеньки. Дора снова подумала, что раньше такие чудеса видела только в музее. Она вспомнила, как дотошный экскурсовод объяснял отличия палисандра от ореха, а красного дерева от эбенового. Коллеги ещё смеялись, что кроме как в музее им такое и не встретить. Но вот поди ж ты! Центральная библиотека №4 города Стклянска не переставала удивлять.

— Арсений Антонович, а почему город так называется? — неожиданно для самой себя выпалила Дора.

— Так кто ж его знает, — усмехнулся библиограф и кивнул на широкое кожаное кресло с удобными подлокотниками. — Ты садись, в ногах правды нет.

Сам устроился в таком же образчике роскоши и неторопливо начал:

— Говорят, лет полтора назад в окрестностях находились угольные шахты. А работали там артельщики из Союза Трудовых Копателей. Смекаешь? С. Т. К. Уже и шахты давным-давно нет, а название прижилось.

Объяснение было таким незамысловатым, что Дора испытала толику разочарования. Но библиограф ещё не закончил.

— А ещё люди рассказывают, что в стародавние времена, до Христа, до Перуна и Велеса, было на месте нынешнего города кочевье. И заметили наши предки, что время здесь движется иначе, чем в других землях: то младенец за ночь лет на десять повзрослеет, а то дряхлый старик юношей обратится. Вот и прозвали это кочевье «Станом Тысячи Кривых Лет». С.Т.К.Л., сталбыть.

И старик, довольно прищурясь, отхлебнул из своей неизменной кружки, с которой, по-видимому, не расставался.

— Ну-у-у, это легенда, — протянула Дора. — Первый вариант правдоподобнее.

— Как сказать. Кое-кто и вовсе уверяет, что триста лет назад здешний барин, приобщившийся к морской службе под рукой всемилостивейшего государя Петра Алексеича, завёл порядок время, как на флоте, отбивать склянками. Денщик его, сталбыть, каждые полчаса песочные часы чин по чину перевёртывал, да колоколом сигнал-от и подавал. Местный люд сперва ахал, удивлялся, потом уж пообвыклись. Ну а барина Склянкиным обозвали. Так и прижилось. Потом Склянск кто-то с ошибкой записал, но это уж после переворота было, как царя-то не стало. Вот и остался по бумагам Стклянском.

Дора недоумённо нахмурилась.

— И как же было на самом деле?

— Так ведь говорю, кто во что верит. Будет желание, поспрашивай читателей — глядишь, и ещё версию-другую услышишь.

— А что с названием библиотеки?

— А с ним-то что не так?

— Ну как же, Центральная №4. А где ещё три?

Библиограф рассмеялся.

— Так это совсем просто...

— Арсений Антонович, вот вы где!

В зал влетела запыхавшаяся Мария Ефимовна и запричитала:

— Странник опять всю ночь безобразил! Всё хранилище перебаламутил. Никакого сладу с ним. Ну придумайте что-нибудь.

Заметив Дору, Мария обрадовалась:

— О! И ты здесь. Классно! Подежуришь на абонементе? Я Арсения Антоновича заберу на полчаса. Ну пожалуйста!

Дора на минуту усомнилась, что справится, но в конце концов, специалист она или нет? Библиотечные индексы неизменны, главное, понять принцип расстановки фонда: какая отраслёвка в какой стороне находится, расставлена художка по странам или по жанрам, а то правила правилами, но на каждый монастырь свой устав имеется.

Она махнула рукой: идите уж. До начала обслуживания читателей больше часа. Даже если никто не придёт на помощь, есть время разобраться.

И Дора пошла вдоль стеллажей, через нескончаемые залы и комнатки поменьше, рассматривая, приглядываясь, изумляясь. Наряду с привычными современными изданиями на полках попадались такие раритеты, какие даже просто в руках подержать она на прежней работе почла бы за счастье.

«Введение в историю европейскую» первой четверти XVIII века, «Сказание о рождении, воспитании и наречении на всероссийский царский престол государя Петра Первого» конца XVIII века, первое издание «Гамлета» в изложении Сумарокова — у Доры дыхание перехватывало при одной мысли, что все эти богатства, включая прижизненные издания Пушкина и Гоголя, выставлены в свободный доступ.

Она так погрузилась в изучение несметных книжных сокровищ, что упавший с одной из верхних полок том заставил её вскрикнуть от неожиданности. Прямо под ногами лежала книга Урсулы Ле Гуин «Четыре пути к прощению». Отойдя от шока, Дора усмехнулась. Будь она мистиком, непременно углядела бы в случившемся какой-нибудь знак. Воспользовалась стрелянкой, поставила книгу на место и, поняв, что детально изучить абонемент с читальным залом за час всё равно не выйдет, вернулась к кафедре.

Звучный бой часов, возвестивший о начале работы отделов обслуживания, стал полной неожиданностью: неужели она целый час бродила среди стеллажей?

Дора вернулась к кафедре знакомиться с непосредственным рабочим местом. В отличие от прочего библиотечного пространства здесь всё было обычно: читательские формуляры, регистрационные карточки, журнал учёта библиографических справок, журнал учёта отказов, блок бумаги для записок. И лишь одна вещь притягивала взгляд. Рядом с невеликой стопкой журналов учёта возвышалась массивная подставка тёмного мрамора с бронзовой окантовкой. На подставке горделиво расположились две хрустальные чернильницы, снабжённые специальным механизмом против высыхания чернил, несколько перьевых ручек с причудливыми гравировками и пресс-папье, украшенное янтарными вставками. Никаких иных письменных принадлежностей поблизости не наблюдалось.

Дора осторожно взяла непривычный инструмент для письма, обмакнула в чернильницу и попыталась расписаться на листке для записок. Вышло не слишком аккуратно. Дора чрезмерно резко взмахнула рукой, и на бумаге тотчас расцвела клякса. Ещё попытка. Привычный сильный нажим привёл к тому, что перо процарапало бумагу. Чтобы написать всего пару слов, от неё потребовалось предельное сосредоточение.

Дора критически осмотрела несколько испорченных листков, и у неё вырвалось досадливое:

— Ещё бы у гусей перьев нащипали для антуража!

Ответом был тихий шелест, будто сами книги подняли её на смех. Или показалось?

— Здравствуй, миленькая! — В зал вошла миниатюрная старушка с огромным для её комплекции рюкзаком. — Ты уж не прогневайся, виноватая я! Задержала книги-то. стыдно, каюсь!

Приговаривая извинения, посетительница выкладывала из рюкзака всё новые и новые книги. Общим числом — чёртову дюжину. Дора ахнула: как дотащила-то?

Выяснив номер, Дора отыскала формуляр читательницы, стараясь не оставить клякс, вычеркнула сданную литературу, мимоходом удивилась, чего старушка так убивалась, всего на два дня просрочено, и предложила выбирать книжки. Но читательница зачастила:

— Доченька, а ты сама, сама. Вот что предложишь, то и возьму. Да поинтереснее чего выбирай.

Дора смутилась. У всех людей вкусы разные, как понять, что именно этой читательнице интересно?

— А вот эти книги, что вы сдали, вам понравились?

— Ой, да чему там нравиться? — отмахнулась старушка. — Это разве что пню с незаконченным начальным образованием может понравиться.

Дора скользнула взглядом по названиям: новинки ромфанта, пара историй о попаданцах, норвежский детектив, историческая сага о княгине Ольге, ещё что-то из классики американского рассказа. Ничего себе пни с незаконченным начальным в Стклянске!

— Так я уж надеюсь, ты подбери на свой вкус.

«Крейцера соната», «Записки из мёртвого дома», «Леди Макбет Мценского уезда» и «Посмертные записки Пиквикского клуба» были приняты благосклонно, а большее количество книг Дора выдавать отказалась, ссылаясь на несвоевременное возвращение предыдущих.

Читательница неожиданно прониклась уважением и не говоря худого слова откланялась. Дора выдохнула с облегчением.

День пролетел стремительно. Она чувствовала себя уверенно и свободно, лишь на мгновения теряясь, когда читатели спрашивали что-то, совершенно ей незнакомое. Но всякий раз нужная книга попадалась в поле зрения незамедлительно. Приятное осознание собственного профессионализма грело душу.

Дора даже не заметила, что осталась без обеда. Она-то рассчитывала пробежаться до какого-нибудь магазинчика, но её никто не сменил, а поток читателей не прекращался. Возможность перевести дух появилась часам к пяти. И тут же в зал вошла заведующая. С удивлением взглянула на новую сотрудницу и расплылась в улыбке.

— Дора Адамовна, прекрасно справляетесь. Что думаете, может, задержитесь в этом отделе? Недописанные романы в постоянном пригляде не нуждаются. Будете их навещать пару раз в месяц, чтоб не заскучали. А? Что скажете?

Дора так устала, что не смогла бы спорить, даже если бы захотела. Да и что толку? Если в отделе нет человека, всё равно ведь поставят, волевым, так сказать, решением.

— Вот и славно, — поняла молчание правильно Людмила Петровна. — Можете сегодня уйти пораньше. Мария Ефимовна книги расставит.

Домой Дора летела как на крыльях. Её переполняли эмоции: восторг от той атмосферы, в которой предстоит работать, довольство собою за то, что справилась. Эта эйфория продолжалась ровно до той минуты, как она свернула на свою улицу.

Толпа зевак, большая красная машина с белыми полосами, бойцы МЧС, собирающие отработавшие пожарные рукава. И дымок над пепелищем, ещё с утра бывшим её домом. Домом, ставшим собственностью, но не успевшим сделаться родным.

К ней кинулись пожарные и соседи. Что-то говорили о хулигане, бросившем в окно горящую ветошь, о том, что его толком никто не разглядел. Что деревянный дом занялся огнём во мгновение ока и подоспевшие спасатели только и могли, что убереечь от пламени соседние постройки. Что компенсацию наверняка выплатят.

А Дора мёртвыми глазами смотрела на груды углей, тлеющих в душных осенних сумерках, сжимала до боли кулаки на лямках верного рюкзака и думала о том, как хорошо, что это не случилось ночью. Могла бы и не успеть выскочить. А ещё, что ей попросту некуда идти.

Глава 3

Из толпы зевак, шумно обсуждавших происшествие, выбралась сухопарая женщина в мешковатом халате. Понятное дело, выскочила из дома на пожар в чём была. Она решительно подошла к застывшей Доре и тронула её за плечо.

— Пойдём, у меня переночуешь. Завтра подумаешь, как дальше быть.

Но тут же откуда ни возмись рядом возникло ещё несколько соседок, которые принялись шумно выяснять, «чего это Клавка раскомандовалась, у самой дома шаром покати, и мужик с бодунища, и три пацана мал мала меньше на головах ходят, а погорелице же покой нужен, и поплакать чтоб никто не мешал, так что давай к нам».

Дора будто проснулась. Этих женщин она видела буквально один раз, когда заселялась, а они выспались полюбопытствовать, что за новый человек появился на их тихой улочке. И теперь никак не ожидала, что кому-то из них будет до неё дело. Хотя, может, их толкало всё то же любопытство. Всё-таки событие. Но шоковое оцепенение уже спало, она встряхнулась, как кошка от дождя, и, поблагодарив, твёрдо отказалась.

Стеснять никого не хотелось. Какая-никакая гостиница в Стклянске должна быть, а завтра — увольнение и обратно, в свою квартиру. Не судьба, сталбыть, как сказал бы Арсений Антонович.

При мысли о том, что придётся распрощаться с Центральной библиотекой №4, сердце чуть не остановилось. Дора скинула рюкзак, лихорадочно порылась в наружном кармане и с облегчением вынула оттуда старинный ключ. Она переночует в библиотеке. Даже если спать не придётся, в отделе абонементов такие диваны, что поваляться с книжкой одно удовольствие. А что так не полагается — какая разница, если всё равно увольняться. Но несколько лишних часов в этом храме роскоши и книг она себе подарит.

Раскланявшись с соседями и от души поблагодарив за участие, Дора без колебаний отправилась в библиотеку.

Забор вокруг участка, где расположился старинный особняк, в подступающей темноте показался ещё выше и мрачнее. Вообще всё вокруг было пугающе-зловещим: и отсутствие фонарей, и полная тишина, и безлюдная улица. Дора усмехнулась про себя. Надо же, как пожар подействовал. Станут теперь всякие тёмные знаки мерещиться, где их и быть не может.

Она быстро набрала на кодовом замке комбинацию цифр, ещё вчера озвученную Людмилой Петровной: один-шесть-девять-два, и толкнула тяжёлую калитку. Петли взвизгнули так резко и неожиданно, что это походило на жалобный вскрик. Дора, не обращая внимания на неприятный озноб, проверила, чтоб замок за ней защёлкнулся, и не спеша пошла по извилистой дорожке к дому. Аромат роз, особенно насыщенный к ночи, так кружил голову, что хотелось опуститься на землю, притянуть к себе крупные цветы, уткнуться лицом в их алые бархатные лепестки и дышать, дышать...

Вдруг за высокими сводчатыми окнами холла вспыхнул мягкий свет и входная дверь стала медленно отворяться. Дора сбилась с шага. По её расчётам, в библиотеке никого быть не должно. «Вот ведь что значит — не везёт! Не иначе, заведующая задержалась. И как я не подумала. Что ж делать-то?».

— Дорущка? — стоящий в дверном проёме Арсений Антонович подслеповато вглядывался в густой сумрак. — Ты ли? Что-то забыла?

И в этот момент последние силы её окончательно оставили. Если сейчас придётся куда-то идти, она этого не вынесет. Дора в голос разрыдалась. Накрыло просто классической истерикой. С судорожными всхлипываниями, безудержным потоком слёз и неудачными попытками что-то объяснить. Голос не слушался, слов было не разобрать, но библиограф, живо сбежав с крыльца, приобнял Дору и мягко повлёк её внутрь.

— Ну что ты, что ты, — приговаривал старик, аккуратно поглаживая её по спине. — Сейчас чаёчек заварим, с мятой, с липой. Любишь мяту?

Он без суеты щёлкнул кнопкой электрочайника, достал холщовые мешочки с разными травами, извлёк из глубин пузатого комода кружку — близняшку собственной.

— А ты не тушуйся, с кем не бывает. Плачется, так поплачь, потом всё обскажешь. Ночь длинная, куда спешить-то?

Постепенно плечи перестали сотрясаться от рыданий, получилось сделать глубокий вдох и осмотреться. Арсений Антонович привёл её в комнатку, которой Дора ещё не видела. Обставлена она была очень аскетически, но по всему видно — жилая. Во всяком случае, в рабочем помещении вряд ли стали бы стелить на диван простынь и класть подушки. Да и половина пышного каравая на крохотном столике намекала на ужин. В животе предательски заурчало. За всеми событиями этого вечера Дора так и не нашла времени перекусить.

Пока травяной чай настаивался, Арсений Антонович понимающе располовинил хлеб, плеснул ледяного молока из непонятно откуда появившегося кувшина и придвинул нехитрую снедь госте.

Говорить и жевать одновременно было бы некрасиво и неудобно, поэтому Дора с благодарностью подкрепилась и лишь потом поведала о своей беде.

— И что ж теперь, покидаешь нас?

Она снова хлюпнула носом.

— Я не хочу. Но по-другому никак. Даже если продать квартиру, чтобы здесь жильё купить, это ж сколько времени.

— А продавать-то и не хочется, — покивал головой старик. — Так оставайся здесь пока. Поживи с полгодика, а там решишь, хочешь или нет в Стклянск насовсем перебраться.

Дора замерла в недоумении.

— Где «поживи»?

— Так, а здесь и поживи. Как я живу. Места много, комнатка для ценного сотрудника найдётся. А Милушка рада будет, ты не подумай. Это ж ночные дежурства получают. Ещё и приплачивать станет, — хихикнул Арсений Антонович. — Оформит на ставку сторожа по совместительству, сталбыть.

— А... А вы на какой ставке? По совместительству?

— Так тоже сторож. Но сторожей положено два! — задрал вверх указательный палец Арсений Антонович. — А то непорядок.

И заразительно рассмеялся.

Дора тоже улыбнулась. Может, всё не так уж плохо на сегодняшний день? Вернее, ночь.

Комната, где обитал Арсений Антонович, оказалась самой дальней на первом этаже левого крыла. А Доре он предложил занять ту, что напротив. Чуть побольше и с окнами, выходящими на заднюю часть сада. В этой комнате стоял такой же диван, разве что подушек на нём не было. Зато почти половину помещения занимал огромный платяной шкаф. Старый, как и вся мебель в библиотеке, и, как и вся мебель, из какой-то ценной древесины. Из этого шкафа был извлечён большой мягкий плед.

— Ты уж извини, сегодня без особых удобств придётся обойтись. Но завтра мы непременно тебя устроим как подобает.

Старик извинялся за недостаток комфорта, а Доре казалось, что она попала в восточную сказку, где к услугам героини вся роскошь дворцов и сералей. Она бросила рюкзак на диван и застыла в нерешительности. В рюкзаке лежали документы, перевязанная ленточкой стопка открыток от Нимфодоры Каитовны, влажные салфетки, кошелек и телефон с зарядкой. Все её богатства.

— А...

— А у нас и душ имеется, а как же! Но ты уж в аккуратности всё держи, а то Шерочка будет нервничать.

Дора вспомнила грозную уборщицу и дала себе слово, что не станет её нервировать, чего бы это ни стоило.

Арсений Антонович объяснил, как найти душевую, и хитро прищурился:

— Ночью в старых залах какой только жути не привидится. Освещение, вишь-ка, приглушаем по инструкции, так и мерещится всякое. Ну да я поживать. А ты смотри, как знаешь. Можешь побродить везде, оглядеться. Никто не помешает. Скорее всего.

Смыть с себя этот странный день оказалось редким блаженством. В душевой нашёлся шкафчик с аккуратно упакованными чистыми полотенцами. Как в отеле, усмехнулась Дора. Она терпеть не могла пользоваться казённым, а ещё хуже чужим. Но сегодня выбора не было. Завтра она приобретёт всё необходимое, поговорит с Людмилой Петровной, подумает, как обустроить жизнь. Завтра. Сейчас хотелось вытянуться на диване и выключить все мысли.

— Ты не должна была оставаться, — прошелестело за спиной на грани слышимости. И не понять: было — не было.

Дора медленно обернулась, понимая, что у неё слуховые галлюцинации, а позади пустой коридор с тусклыми, стилизованными под старинные канделябры светильниками.

— Спокойно, не ори. Поздно уже, — проворчал сгусток тьмы, парящий посреди коридора. — Ну чего уставилась? Духа первый раз видишь?

Если бы Дора была чуточку менее уставшей, не такой вымотанной и физически, и морально, она бы, наверное, отреагировала, как все нормальные люди: завизжала или упала бы в обморок. Но сил на это не оставалось. Поэтому она только ахнула и с любопытством спросила:

— Вы кто?

— Ах-ха-ха! — прокатилось от стены до стены, оттолкнулось от потолка и обрушилось прямо на Дору. — Кто я? Я тот, кто бережёт эти бесценные сокровища, кто следит за сохранностью каждой странички на книжных полках, без кого всё рассыплется прахом!

Дора с сомнением посмотрела на высокую полупрозрачную фигуру в тёмной хламиде. На домовёнка собеседник ну никак не походил.

— Вы Стр́аник?

Фигура пришла в движение, заколыхалась, рассыпалась на клочки серого тумана и соткалась вновь уже вплотную к Доре.

— Ни-ког-да-а-а, — зашипел дух, — не называ-а-ай меня та-а-ак!

Затем фигура уплотнилась, принимая вид долговогого мужчины в костюме на итальянский манер времён барокко: короткая куртка с широкими рукавами поверх просторной сорочки, зауженные панталоны с завязками под коленом, высокие сапоги и отброшенный за спину плащ. На голове красовался широченный берет с изящным пером. Незнакомец гневно сверкнул чёрными глазами:

— Я что, похож на эту пыльную мышь?! Как можно было предположить?!

Он потянулся к поясу, явно нащупывая несуществующий эфес, и тут же отдернул руку.

— Извините, пожалуйста. — Вежливость даже с призраками не помешает. — Просто не подумала, что здесь обитает больше одного... ммм... духа?

Красивое аристократическое лицо исказилось в презрительной усмешке.

— Да какой он дух! Так, нечисть мелкая.

На втором этаже послышалась возня, будто кому-то вздумалось двигать тяжёлые стеллажи.

— Угомонись! — Призрак-аристократ бросил свой приказ, не поворачивая головы. В ответ раздалось гаденькое хихиканье и светильники принялись мигать в дёрганном ритме.

Призрак протянул руку Доре. Она непонимающе уставилась на достаточно материальную, но всё же просвечивающую конечность. Длинные музыкальные пальцы нетерпеливо дрог-

нули. Дора помедлила ещё мгновение и вложила ладонь в протянутую руку. Её тотчас крепко сжали, и наступила тьма. Охватило нестерпимым жаром, потом отпустило. Один взмах ресницами — и вот уже они не в коридоре первого этажа, а посреди отдела абонементов, новой Дориной вотчины.

С потолка лился желтоватый свет, чуть подрагивающий, мечущийся, будто сотни свечей разом были зажжены в невидимых люстрах. И десятки старинных фолиантов валялись на полу — открытые и нет, с замявшимися страницами, вывернутыми обложками.

— Ой, мамочки!

Дора как стояла, так и рухнула на колени, бросившись поднимать ценные издания. Аккуратно брала каждый том, бережно расправляла страницы, проверяла, чтоб не была повреждена обложка. За этим занятием она напрочь забыла и о призраке, и о невероятном перемещении. Собрала все книги, сложила на ближайшую стремянку. Огляделась.

Так и не представившийся дух развалился в глубоком кресле и с видимым удовольствием наблюдал за ней.

— Ты правильная. Мы не ошиблись. Но если останешься, пожалеешь.

Дора невесело усмехнулась:

— Угрожаешь?

Дух с кислой миной мотнул головой.

— Ты ж не испугаешься. Даже не заорала, когда меня увидела. Пытаюсь предупредить. Зла тебе я не желаю. Ты книги любишь. По-настоящему, как и я. Если сейчас не уйдёшь, останешься здесь навсегда.

— И всё? — Дора недоумённо моргнула. — Да многие бы хотели такой участи. Это же настоящая сокровищница! Здесь раритетов на три жизни хватит, и то все не изучить, каждую страницу не прочитать.

— Ты меня слышишь? — Призрак утратил отчётливые формы и тёмным облачком взмыл из кресла. — Нав-сег-да!

Дора пожала плечами.

— Ну значит, судьба моя такая. Я здесь оказалась слишком неочевидными путями. Поплыву и дальше по течению.

Призрак как-то враз сдулся, плюхнулся обратно в кресло жалкой тряпочкой и затих.

Увесистые книги в тёмных кожаных переплётах с золотым тиснением, сложенные Дорой на широкую верхнюю ступеньку стремянки, внезапно взмыли пушинками и разлетелись в разные стороны. Один том ювелирно точно вписался на полку ближайшего стеллажа между «Архаикой рассветной морали» и «Астрономическими беседами за ужином». Другой раритет на полной скорости влетел на свободное место по соседству с «Филантропическими заметками восточного странника». Каждой книге нашлось своё место, а как только на полку вернулась последняя, шелестящий голос сварливо пробубнил:

— Чтошшш, судьбу не обойдёшшш. Дай сейчассс обет не иссскать ответ.

И все светильники на считанные мгновения погасли, чтобы тут же разгореться ярче. За те секунды, что стояла темнота, призрак успел вернуть себе внушительный облик и теперь снова сидел в кресле с важным видом. А на широком подлокотнике уместилось странное мохнатое существо с полметра ростом и в непрерывно колышущемся плаще, покрытом ровными строчками слов. Большие глаза цвета пожелтевших страниц мягко светились. Существо уставилось на Дору и требовательно спросило:

— Обещцаешшшшш?

Дора с самой юности твёрдо усвоила правило ничего не подписывать, не читая. Особенно мелкий шрифт. Так что она отрицательно мотнула головой.

— Не буду я обещать неизвестно что. Какой ответ не нужно искать? О чём речь?

Призрак и существо переглянулись. И снова наступила тьма.

Глава 4

Проснувшись, Дора ещё какое-то время нежилась в постели, не открывая глаз. Слушала, как поскрипывают половицы в старом доме, как поют заунывную песню петли на оконных ставнях. Подумала, что теперь, когда она владелица такой древней недвижимости, неплохо бы нанять кого-нибудь для ремонта. И вдруг резко вынырнула из остатков сна.

Дом же сгорел! Одни угли остались. А сама она лежит на диване в комнатёнке, куда её привёл сердобольный Арсений Антонович. Но как же призрак? Ох, ну и сны в этом особняке снятся. Нужно было поскорее вставать, приводить себя в порядок и идти договариваться с заведующей.

Умывшись на скорую руку, Дора вернулась в комнату, чтобы убрать в шкаф плед, под которым спала, но там её ждал сюрприз. Такой же столик, как она видела в комнате библиографа, был накрыт к завтраку. Плетёная корзинка с ещё горячими сдобными булочками, огромная кружка с чаем и несколько розеток с джемами на любой вкус: от лимонного до крыжовенного. Дора остолбенела. Она могла поклясться, что пока была в санузле, по коридору никто не ходил.

— Дорушка, а я тебе вот перекусить собрал. — В приоткрытую дверь просочился Арсений Антонович с подносом. — Через полчаса все на работу потянутся, так ты уж...

Он замер, уставившись на булочки и джем. На подносе в его руках стояла точно такая же корзиночка и розетки.

— Ахти ж, — смущённо забормотал старик, пятясь из комнаты. — Склероз проклятый.

Дора проводила его взглядом, вздёрнув левую бровь. Ой, темнишь, старик! Не нужно быть детективом, чтобы понять: к накрытому столу библиограф отношения не имеет. Призраки её угостить решили, что ли?

Не чинясь и не сомневаясь, Дора устроилась за столом и с наслаждением отломил кусочек сдобы. Выпечка была такой пышной, так благоухала ванилью, что во рту мгновенно собралась слюна. Дора сама не заметила, как одна за другой исчезли три булочки, а кружка с чаем опустела, и только после этого она сыто вздохнула. День начинался куда лучше, чем можно было представить ещё вчера.

Людмила Петровна долго сверлила её взглядом из-под очков в золотистой оправе. Дора особо на жалость не давила, бедняжку, которой некуда деваться, из себя не строила. Сухо изложила факты, так и так, дом сгорел. Или увольняться, или квартировать в библиотеке.

— Вы хорошо подумали? — наконец спросила заведующая. — Сами видели, людей у нас не хватает, нагрузка большая. Если на вас ещё и обязанности сторожа возложить, не переутомитесь?

Казалось, заведующая ничуть не удивилась новостям, принесённым Дорой. И ничего не имела против её проживания в особняке.

Дора честно призналась:

— Мне очень хочется работать в вашей библиотеке. Ну и Наталья же выйдет, наверное, скоро. Надеюсь, у неё ничего серьёзного?

Заведующая оставила без ответа реплику об отсутствующей сотруднице отдела абонента и озвучила регламент нахождения на территории библиотеки в ночное время. Если кратко, можно было пользоваться всеми помещениями, кроме подвальных. «Днём там тоже делать нечего!» Основная работа с девяти до восемнадцати. Обеденный перерыв по необходимости. Объект не покидать. Выходные и отпуск по КЗоТу. На третий этаж не подниматься.

— А что значит «объект не покидать»? — рискнула поинтересоваться Дора. — В обеденное время не выходить?

Людмила Петровна поджала губы.

— Разумеется.

Из кабинета начальства Дора выпорхнула на крыльях надежды, что всё устроится. Центральная библиотека №4 кружила голову.

— Опять шастаешь?

Ой, про Шерочку-то она и забыла. Дора виновато улыбнулась суровой уборщице.

— Извините меня, пожалуйста. Я ещё не привыкла не ходить по коридорам. Но обязательно исправлюсь.

— Иди-иди, пока мокрой тряпкой не схлопотала!

Техперсонал в библиотеке не отличался добродушием, это следовало запомнить.

Дверь в уже знакомое Хранилище уставших строк закрыта была неплотно, и Дора осторожно её отворила. Мария Ефимовна на этот раз открыто сидела за кафедрой и уплетала бутерброды с колбасой.

— Жавтрак, — пояснила она с набитым ртом. — Имею право. Жаходи.

Дора сомневалась, что в рабочее время сотрудники имеют право на завтрак, но оставила эту мысль при себе. Если подумать, там, где она работала раньше, ночевать ни за что бы не позволили. Так что, может, и с едой не всё так категорично.

— Мария Ефимовна... — начала было Дора, но та аж подавилась.

— Пффф! Ну ты скажешь! Мы ж одни. Я тебе бабка, что ли?

— Прости, Маш, — Дора рассмеялась, чувствуя, что прошедшая ночь окончательно развеялась, унося с собой летающие книги, мохнатое существо, призрака и её собственные перемещения. Вот рыжая девушка аппетитно жуёт бутерброд, она живая и абсолютно материальная. Кстати!

— Маш, а в этой библиотеке что-то мистическое есть?

— В шмышле отдела эжотерики? Уф, прости, — Мария дожевала, глотнула сока из высокого стакана и промокнула губы салфеткой. — Есть, конечно. Архив непознанного находится в подвале. Им Людусик заведует. Только туда никто не ходит. А тебе зачем?

— Нет, ты не поняла. Я имела в виду, призраки здесь водятся?

Хранительница уставших строк звонко расхохоталась.

— Ну ты придумала! Что, так стены подействовали? Не, было бы прикольно. Но увы! Говорят, домовый есть. Страником называется. Типа, из книжных страниц получился. Ну и всякое на него списывают. Как где непорядок — Страник шалит. А призраков нет, извини.

— Понятно, а то мне что-то мерещиться стало. Я пойду?

— К недописанным романам?

— Нет, на абонементе решили оставить. Пока Наталья не выйдет.

Мария озадаченно хлопнула глазами.

— Кто?

— Ну... — Дора замялась. — Арсений Антонович говорил, Таши сейчас нет, по очереди на абонементе все дежурят. Я подумала её Натальей зовут.

— Опять чудит старикан! Отродясь у нас Наташ не было. А на абонементе вечная теучка. Я и не помню, кто там постоянно работал.

Маша задумалась.

— Хм, странно. Чего на абонемент никого не возьмут? Может, ты приживёшься?

Дора вспомнила слова призрака о том, что она здесь навсегда, и поёжилась.

В Зал спящих воспоминаний Дора решила не заглядывать, не ровён час, снова потревожит чуткий сон. Она хмыкнула и пошла к противоположной двери, рассчитав, что та выведет аккуратно к лестнице на второй этаж. Уже выходя, спросила:

— Маш, а отчего Центральная номер четыре носит? Остальные три где?

Маша что-то неразборчиво пробубнила в ответ, снова с набитым ртом.

— Чего?

Дверь со стороны Зала спящих воспоминаний распахнулась. В Хранилище влетел Михаил, потрясая измятым и запятнанным свитком. Не говоря ни слова, реставратор швырнул свиток на кафедру перед Машей. Она брезгливо одним пальчиком его отодвинула.

— Чего ты мусоришь?

— Твоих рук дело?

— В смысле? Я что, похожа на вандала? Где это случилось?

— На абонементе, где ж ещё? Кто там вчера дежурил?

Маша с подозрением покосилась на так и не ушедшую Дору. Михаил проследил за её взглядом.

— Да ладно, новичка бы туда не отправили.

Дора возмутилась. Про себя. Вслух же спросила:

— А такие происшествия и при Наталье случались?

— При какой Наталье? — озадачился Михаил.

А Мария покачала головой:

— Ей Арсений Антонович чего-то наплёл. А она и поверила.

Разыгрывают? Или что-то скрывают? Но ведь кто-то же работал на абонементе до её появления? Или там была некрасивая история, в которую новенькую не хотят посвящать? Вопрос.

Дора оставила коллег строить догадки, кто бы мог испортить свиток, и поднялась на второй этаж. Всё, что касается непосредственно библиотечного дела, ей знакомо, здесь проблем возникнуть не может. Но всё остальное... Вокруг столько непонятностей, начиная с названий отделов и до разгуливающего по библиотеке призрака, что хочется забиться куда-нибудь в норку и не высовываться. Или наоборот? Дора не могла понять, что перевешивает: желание покоя или предвкушение чего-то совершенно невероятного?

— Как завтрак? — Знакомый суховатый голос раздался из-за стеллажей с литературой XX века. — Выпечка по вкусу или предпочла бы что-то другое?

— Вы?! — Дора потрясённо уставилась на призрака, зависшего в полуметре от пола расплывчатой дымчатой фигурой. — А вы разве не только ночью являетесь?

— Глупости! — отрезал дух и взмыл к потолку. — Не о том думаешь. Задавай правильные вопросы!

И растворился в воздухе.

В отличие от предыдущего дня читателей было немного, Дора успела и с каталогом поработать, и пройти через всю анфиладу залов и комнат, восхищённо вглядываясь в разнообразные тома — от старинных до этого года издания. К моменту, как часы внизу пробили два, а стало быть пришло время обедать, она задумалась, где этот самый обед раздобыть. Людмила Петровна, конечно, предупредила — «объект не покидать», но должна же она что-то есть!

— Дорушка, а ты опять заработалась? — Арсений Антонович бесшумно возник в дверях. — Ты ступай, отдохни, по саду пройди. Я-то уж часок за тебя покараулю.

Как вовремя! Успеет по магазинам пробежаться, надо ведь и кое-что из вещей приобрести. И, кивнув в знак благодарности, Дора поспешила за кошельком.

Когда она преодолела один лестничный пролёт, от стены отделилась тень, превратившаяся в уже знакомое мохнатое существо, укутанное книжными страницами.

— Спешиишшь? — прошелестело существо. — Не спешиши. Все уишшли, и ты уйдёшшь...

И исчезло.

— Страник? — нерешительно окликнула Дора. — Куда все ушли?

Вопрос предсказуемо остался без ответа.

Чтобы попасть в своё временное прибежище, коридора было не избежать. Но не торчит же там Шерочка безвылазно? Дора ощущала себя шпионом, крадущимся по запретной тер-

ритории, и беспрестанно оглядывалась. Рейд, однако, прошёл удачно. С рюкзаком на плече и улыбкой до ушей Дора направилась к выходу.

Вторая половина октября в Стклянске радовала последним шиком золотой осени. Сад, среди которого расположилась библиотека, переливался на солнце драгоценным сиянием. Липы были окружены мягким светящимся ореолом, а дубы напоминали мощных исполинов, укутанных в мягкие рыжие пледы. И посреди этого великолепия благоухали десятки розовых кустов на пике цветения. Свежие утончённые нотки их аромата переплетались с тяжёлыми сладкими оттенками, создавая восхитительный букет.

Дора чуть задержалась возле особенно пышного куста, вдыхая его роскошный запах, и пошла к калитке, которую было и не разглядеть в густых зарослях. Садовая дорожка, попетляв между деревьями, вывела её всё к тем же розовым кустам у входа в особняк. Почему-то сразу стало ясно, что дальнейшие попытки бессмысленны. «Нав-сег-да!» — отдалось в памяти.

Зайдя в теперь уж точно свою комнатку, чтобы оставить ненужный рюкзак, она ничуть не удивилась накрытому столу. Тарелка с наваристым борщом была щедро приправлена густой сметаной и пахла так соблазнительно, что все размышления о будущем бесследно испарились. Дора аккуратно отломил кусочек ржаной горбушки и принялась за обед. Кроме борща в меню входил плов, салат из свежих помидоров, клюквенный морс и солёное печенье. Всё исключительно по её вкусу. Даже плов был именно с уткой, а салат приправлен укропом.

Дора съела всё с удовольствием и задумчиво посмотрела на пустую посуду. С ней как быть? Пока думала, всё за исключением вазочки с печеньем растаяло в воздухе. Даже крошек на столе не осталось. Удобно. Повинуясь наитию, она заглянула в шкаф. Ну конечно, кто бы сомневался! На плечиках были развешаны вещи, какие она бы и сама выбрала. На полках разложено бельё и прочие нужности вроде полотенец.

Всё было просто идеально! Так идеально, что внушало опасение. Она бы усомнилась в собственной вменяемости, но сумасшествие — это так банально. Ей ведь в глубине души всегда хотелось верить, что сверхъестественное существует. И вот, пожалуйста.

Как бы выяснить, что происходит? Создавалось впечатление, что призрака разговорить будет проще, чем коллег. Дора почувствовала азарт. Нечто подобное ей приходилось испытывать, когда на прежнем месте работы нужно было проследить историю раритета, презентованного библиотеке. Но сейчас всё в разы увлекательнее.

Отдел абонементов встретил её раскатистым храпом. Библиограф в отсутствие читателей прикорнул в одном из роскошных кресел, и казалось, разбудить его не смог бы даже пушечный залп. Или?..

Едва Дора перешагнула порог, как старик невесомо поднялся и вот он уже на посту, а сна ни в одном глазу.

— Пообедала? — с неизменным добродушием справился Арсений Антонович.

И она решила-таки попытать счастья.

— Арсений Антонович, а что за мистика здесь творится? — самым будничным тоном поинтересовалась Дора. — Еда откуда ни возмись, одежда в шкафу. Откуда это всё?

— Так мир не без добрых людей, Дорушка. Ты-то, сталбыть, и без крыши над головой, и безо всего своего имущества осталась, как же не помочь. Все по чуть, так на жизнь и хватит.

Добрые люди — это замечательно, но что делать с посудой, исчезающей на глазах?

— Ой, какая цыпа!

В отдел развязной походкой ввалился здоровенный детина неопределённого возраста, в потёртой кожанке, спортивных штанах и стоптанных кедах. Его всклокоченные волосы торчали во все стороны, а на лице красовалась недельная щетина. Вместе с посетителем в отдел выплыли ароматы перегара и дешёвого табака.

Дора нервно оглянулась, но библиографа как и не было. А проблема назревала нешуточная. Дитина не глядя швырнул в ближайшее кресло потрёпанный рюкзак и заорал, как некормленный носорог:

— Слышь, ты! Мне свежую прессу и пошустрей!

— Повежливее, пожалуйста.

Показать такому свой страх смерти подобно. Ему же только того и надо.

— Чего?! Да ты знаешь, кто я такой?! Да я жалобу напишу! Да ты с работы вылетишь!
— взревел скандалист.

Дора таких встречала нечасто, всё же в сектор редкой книги хаживали люди интеллигентные, но бывало всякое.

— Пишите.

— Чего? — тоном ниже переспросил явно опешивший «читатель».

— Жалобу пишите, — Дора пошла ва-банк. Едва ли у Людмилы Петровны будут к ней претензии из-за этого неадекват. — Вам бумагу, ручку дать?

Скандалист, видимо, счёл, что ещё не все козыри в игре, и завёлся по новой:

— Да я до президента дойду! Ты ещё пожалеешь, что меня встретила, дура!

Ого! Стклянск и президент никак не хотели становиться в одну строку. Во всяком случае в мироощущении Доры.

— Прямо отсюда пойдёте?

Посетитель обиженно плюхнулся в кресло.

— Эх, такой настрой обломала. Всегда говорил: баба не потому дура, что она баба, а потому что дура! Вот дед у вас нормальный. Слышь, может, сигаретка найдётся?

— Извините, не курю.

— Ну и ладно. С тобой, вижу, каши не сварить. Пойду я. А деду передай: будут ещё проблемы, пусть обращается. Венька завсегда поможет. Когда ко мне с душой, так и я, что ж, не человек, что ли.

После странного визита казалось, весь этаж пропитан миазмами перегара. Дора распахнула окна в помещении и с наслаждением вдохнула осень. Горьковатые ароматы опадающих листьев перемешивались с запахом роз и тонкой ноткой дыма. Наверное, где-то по соседству жгут листву.

— Здравствуйте!

А вот и следующий читатель пожаловал. Интересно, кто-нибудь из жителей Стклянска в курсе, что в библиотеке водятся призраки? Или это только ей такая честь выпала?

— Милочка, вы меня слышите? Я говорю, это безобразие!

Пожилая женщина укоризненно смотрела на Дору, протягивая зачитанный томик Агафьи Крестиковой.

— Это что за художества, я вас спрашиваю! Вы думаете, я не читала «Убийство убийцы»? Вы думаете, я не помню, кто преступник? Так вот, милочка, я-то помню. А что перечитать роман взяла, так я всегда через месяц-другой книги перечитываю. И это не ваше дело, мне указывать.

Опешившая от такого натиска Дора не знала, что и сказать. Во всяком случае, она совершенно точно ничего никому указывать не собиралась.

— И что же я вижу? — не унималась читательница. — Вместо шеф-повара яд олигарху подсыпает учительница младшего сына! С какой стати, я вас спрашиваю. Она же не имела доступа на его кухню! Ни-как!!!

Недовольная женщина сорвалась на крик, а Дора поспешно взяла провинившуюся книгу и раскрыла на последней странице. Буквы немедленно замелькали, двигаясь, на первый взгляд, хаотично. Но уже через несколько мгновений сложились в такие строчки: «А нечего уголки

в книгах погибать. Могу и её саму прописать убийцей, пусть порадуется. И скажи ей, чтоб за едой книги не читала, не то пожалеет». Дора захлопнула книгу.

— Извините, пожалуйста, — мягко сказала читательнице. — Может, вы просто перепутали. Всё-таки за едой нужно о еде думать, а не книги читать. Книги от этого портятся.

Читательница поражённо замерла. Хотела что-то сказать, но передумала и, махнув рукой, попросила:

— Подберите мне что-нибудь из любовных романов на ваш вкус. Только без трагедий. Полегче что-нибудь.

Дора отыскала модную в последнем сезоне «Любовную канцону» Аннеты Беленькой и на всякий случай открыла конец: «Кровь лилась рекой из вспоротого живота несчастного графа. Он из последних сил прохрипел: „Ты была моей единственной любовью. Как жаль, что ты остаёшься нищей и с ребёнком на руках. Но я не могу оставить тебе ни гроша из-за происков брата. Надейся на лучшее и помни обо мне“. Его глаза закрылись, и она рухнула, захлёбываясь от рыданий...».

— Немедленно прекрати, — чуть слышно прошипела Дора. Ответом ей был тихий смешок, и буквы моментально перестроились: «Ты моё счастье, — шептал восхищённый граф, прижимая любимую жену к своей груди, и слёзы радости текли у обоих неудержимым потоком».

— То-то же.

Книгу читательница приняла с благодарностью, а Дора понадеялась, что сюрпризов не будет.

Ближе к вечеру заглянула Рина. Немного помялась, потом спросила:

— Можешь помочь? Мне Людмила Петровна поручила найти в нижнем хранилище Старопоместную летопись, а я...

Она снова замялась.

— Свидание? — понимающе улыбнулась Дора.

Рина смущённо кивнула. Накрутила на палец русую прядку, дёрнула. Ойкнула. И просительно уставилась на Дору. Та рассмеялась.

— Хорошо. Беги уж. Только объясни подробно, что и где искать.

— Вот спасибо! — Девушка на глазах расцвела. — Это в подвале, как спустишься, три двери отсчитай, а потом будет такая арочка каменная, вот сразу за ней низенькая дверца. Пригнуться не забудь, а то лоб набьёшь. Там в хранилище летописи в шкафы сложены. Нужный шкаф самый дальний от входа. Да, летопись нужно Людмиле Петровне с самого утра отдать.

На самом выходе Рина обернулась.

— В подвале освещение барахлит. Свечку возьми.

— Риночка, стой, — вдруг опомнилась Дора. — А в подвале призраки не водятся?

— Кто-о-о? — забавно сморщила нос девушка. — Откуда здесь призракам взяться? Двадцать первый век на дворе!

Дора проводила просительницу взглядом и подумала, что той, наверное, и двадцати нет. Когда и бегать по свиданиям! Мысли метнулись к собственным двадцати годам. К тому памяtnому лету, когда мечты и планы на жизнь были связаны с самым лучшим, самым особенным, самым любимым. Когда было куплено свадебное платье и приглашены гости. К тому самому лету, когда она застала уже почти мужа с лучшей подругой.

С годами боль притупилась, но больше она отношений не заводила. Ни романтических, ни дружеских. Так и не смогла вновь настолько кому-то поверить, чтобы пустить в душу.

Часы пробили шесть вечера, можно было подумать и о небольшой разминке. Раз уж за пределы участка ей хода нет, то хотя бы по садовым дорожкам пробежаться и комплекс упражнений выполнить. Ежедневные тренировки давно стали привычными и необходимыми и для самочувствия, и для настроения. Заодно и с территорией поближе познакомится.

Она спускалась к себе в комнату, припоминая, видела ли в шкафу что-нибудь подходящее. Вроде бы спортивный костюм там точно был.

— Она не должна была оставаться. Он что-то задумал.

Суховатый голос призрака был едва различим, зато ответный шелест Страника разлетелся по всему пустынному коридору:

— Темнишишь. Не проведёшишь. Где ещё такую найдёшишь?

И снова всё тихо.

Дора зябко повела плечами. Настроение скакнуло к минусовой отметке при мысли, что творящиеся вокруг чудеса не обязательно положительного свойства. Надо разговорить призрака. Кажется, он здесь один на её стороне. Или это только кажется?

Разминка немного отвлекла. Оказалось, если бежать не с целью выбраться за пределы участка, тропинки не пытаются всё время вывести к порогу особняка. Пробежка заняла около часа, но никакого ощущения бега по кругу не появилось. Трава была чуть влажной от тихой осенней мороси (любимая погода!), да и коврик отсутствовал, а потому упражнения пришлось подсократить. Однако настроение заметно улучшилось. Дора снова задержалась у пышных розовых кустов, но короткие осенние сумерки быстро перетекали в неуютную темноту.

Да, ведь ещё летопись в подвале искать. Как там Людмила Петровна говорила: ночью можно пользоваться всеми помещениями, кроме подвальных? Но технически ещё не ночь, и в конце концов она не «пользоваться» собирается, а выполнять поручение той же заведующей. Так, успокаивая себя, Дора быстро приняла душ и задумалась, где брать свечу. И хорошо бы ещё спички для комплекта.

— Не ходила бы ты туда. — Голос призрака раздался из глубин шкафа, и вот уже он собственной персоной просочился в комнату. — Кто знает, что ждёт тебя в подземельях?

Это прозвучало так неожиданно комично, что Дора прыснула со смеху. Надо же — «в подземельях»!

— Уважаемый дух, призрак, или как там к тебе правильно обращаться, — она решила, раз уж явился, так нечего бездельничать. — Не будешь ли ты столь любезен и не согласишься ли сопровождать меня в нижнее хранилище? Мне очень нужно найти одну летопись.

Дора рассудила, что в такой компании и бояться нечего, и посветлее будет: от призрака исходило лёгкое свечение.

Призрак, услышав просьбу, сперва взвился до потолка, а затем неожиданно покладисто изрёк:

— Разумеется, я не оставлю тебя одну. А обращаться ко мне разрешаю синьор Лучано Фолианти.

К этому часу в библиотеке никого не осталось. Конечно, кроме Арсения Антоновича. Интересно, ему тоже не позволено покидать территорию или он свободно перемещается, а живёт здесь по самым прозаическим причинам? Да хоть бы и правда, чтоб на квартплате экономить. Но старика нигде не было видно. Может, отдыхает, прилёт. А может, вышел куда-нибудь.

Кофе бы сейчас!

Кофе захотелось нестерпимо, она даже ощутила фантомный аромат любимого напитка. Он плыл по комнате так явственно, словно чашка с густой пенкой арабики стояла на столе. Дора покосилась на столик. Там, рядом с изящной вазочкой, полной печенья, красовалась хрупкая чашечка тончайшего фарфора. С той самой пенкой.

— Луча-а-ано! Ты лучший!

Призрак издал сдавленный смешок и уплотнился до почти материального облика.

— Пей уже свою гадость и идём.

Кофе был изумительный. Именно той крепости, прожарки, температуры, что надо. Дора сделала последний глоток и вдруг опомнилась:

— Лучано! А откуда это всё берётся? Еда, вещи — откуда?
Синьор Фолианти торжественно поднял указательный палец:
— Знание материально, девочка. Запомни!

Глава 5

Следовать за призраком оказалось очень удобно: не надо задумываться, куда идти, где свернуть и за какой по счёту дверью находится хранилище. Можно было с любопытством разглядывать старинную кладку, пытаясь представить, к какому веку она относится. Не будучи специалистом в этом вопросе, Дора тем не менее понимала: окружающие стены древнее самого особняка. На чём основывалась эта уверенность, она бы не сказала. Так, из области ощущений.

Потянуло холодком. Спуск по широкой винтовой лестнице всё не заканчивался. Хотя синьор Лучано служил неплохим маячком, полностью его свечение, конечно же, не могло рассеять густой мрак подземелья. Теперь слово не вызывало улыбки. Назвать это подвалом у неё бы язык не повернулся. Неудивительно, что Рина предпочла отвернуться от поручения заведующей.

Вот и просторный коридор. Здесь заметно светлее. Хотя потолочный свод довольно высок, все двери в подземелье такие низкие, что и впрямь придётся наклоняться, чтобы войти. Почему бы это? Обозначить уважение поклоном? Или чтоб гонящийся за тобой враг по незначию лбом шарахнулся? Ну и мысли лезут в голову.

Она не сдержала хихиканья. Лучано обернулся и вопросительно на неё уставился. Дора только рукой махнула. И тут же поинтересовалась:

— А ты что, мысли мои не читаешь? Как тогда про кофе угадал? И остальное?

— Я хранитель библиотеки. Я ощущаю потребности.

— А-а-а, — разочарованно протянула Дора. — То есть бутерброд с красной икрой мне не светит? Это ж баловство, а не потребность.

— Попросишь — получишь. Сам не распознаю.

Если бы она умела, точно присвистнула бы. Шутка ли — это что, она в сказку попала? С джинном, исполняющим желания?

Лучано усмехнулся.

— Не слишком обольщайся. Мои возможности не безграничны.

Вскоре синьор Фолианти замер. Точно, как описывала Рина, за каменной аркой находилась дверь. И поклон отвесить придётся довольно глубокий, чтобы о притолоку не зацепиться. Но эта дверь не была последней. Далее, в глубине коридора, Дора заметила светлое пятно. Она двинулась к нему, даже не остановившись у нужного хранилища.

Призрак метнулся вперёд, загородил собою источник света и сердито принялся выговаривать:

— Тебя за чем послали? За летописью? Так бери и уходи. Нечего здесь оставаться дольше чем нужно.

Синьор Лучано от волнения стал почти совсем прозрачным, потерял почти всё собственное свечение, и теперь свет, который он пытался от Доры скрыть, казался ярким маяком во тьме.

Не споря, Дора шагнула к указанной двери, но тут...

— Мя-а-а!

Жалобное мяуканье раздавалось из той части коридора, куда призрак пытался её не пустить.

— Мя-а-а...

Уйти и оставить несчастное животное, неизвестно как и когда забравшееся в эти катакомбы? Ну уж нет! А если оно уже несколько дней голодает? И Дора решительно пошла на звуки кошачьего плача. Синьор Фолианти устремился к свету впереди неё, резким, неприятным голосом возопив: «Брысь! Брысь, паршивец!». А прямо из светлого пятна вальяжно вышагнул он. Кот. Даже не кот, а котище. Бросил на Дору взгляд, исполненный презрения и

прошествовал мимо, мазнув хвостом по её ногам. Во все стороны посыпались искры, а Дору словно током ударило. Даже дыхание перехватило.

Пока она пыталась отдышаться, кот исчез в проёме, ведущем к лестнице. И только тогда она сообразила, что пока животное не скрылось, она отчётливо его видела. В этом сумраке? Да кот же светился!

Вся его шерсть переливалась голубыми искорками.

Дора перевела взгляд на синьора Лучано.

— Это что, ещё один призрак? — чувствуя себя героиней комедии абсурда, спросила она.

— Ах, если бы! — сокрушённо вздохнул Лучано. — Этот негодник Милли вполне материален. И никакого с ним сладу. Не нужно было тебе его трогать.

— Да я и не... — хотела возразить Дора и осеклась. Какая разница, кто кого тронул, если делать этого было не нужно.

А на двери, возле которой их поджидал Милли, постепенно проявлялась мерцающая табличка. «Архив последних строк». И что-то мелко-мелко внизу.

— Лучано, — почему-то шёпотом обратилась Дора, — что здесь происходит? По-настоящему? Почему я? Почему все делают вид, что всё в порядке?

Призрак разразился поистине демоническим хохотом.

— С этого надо было начинать, девочка! Почему ты? Все ответы у тебя в руках. Вопрос — почему ты не видишь? Спрашивай себя.

Эти слова, да ещё вместе с обидным смехом, вывели её из терпения.

— Синьор Лучано, — строго одёрнула она призрака, — не потрудитесь ли объясниться? Я здесь заперта, как в тюрьме. Согласна, довольно комфортной, но всё-таки тюрьме. Имею я право знать, за что? Что сделала или не сделала? Почему было так важно, чтобы я не оставалась в библиотеке прошлой ночью, когда сгорел мой дом? И случайно ли он сгорел? Ваш смех в этих обстоятельствах оскорбителен.

Синьор Фолианти осёкся.

— Мои уста скованы печатью молчания, девочка. Слишком много цепей. А ключ у тебя. Ключ — ты. Торопись. Дни безвременья близко.

Повисло давящее молчание.

Надо было о многом подумать. Хотя бы о том, как так вышло, что она согласилась плыть по течению, не пытаясь вырваться из плена особняка. Или почему вообще приехала в Стклянск на ПМЖ, не зная даже толком, что её здесь ожидает. Нотариус, конечно, дал исчерпывающие описания наследства, но отчего бы сначала не приехать осмотреться и, если уж понравится, увольняться и переезжать.

Подумать было о чём. Но сначала летопись.

Если бы не помощь Лучано, она бы долго копалась в шкафу, набитом древними книгами. Руки её подрагивали, когда она брала очередное произведение книжного искусства. Тяжеленные тома с деревянными переплётами, обтянутыми кожей, с золотыми и серебряными надписями. Настоящий пергамент, рукописные тексты. Призрак комментировал каждую книгу:

— Залесский кодекс. Полное ничто. Ошибка на ошибке.

— Подспудная летопись. Если верить писцу, на Руси в один год вымерло народу больше, чем во всей Европе насчитывалось жителей. Под хмельком он был, что ли?

— Изборник печалей и радостей. Вот это достойный экземпляр коллекции. Философские притчи не устаревают.

Наконец, требуемая летопись была у Доры в руках. Ничем не примечательная книга. Даже писанная не на пергаменте, а на бумаге. Лучано и высказываться на её счёт не стал.

— Синьор Фолианти, мы можем задержаться на пять минут?

Ещё раз спускаться в подземелья не было никакой охоты, а прочитать мелкий шрифт на табличке Архива казалось важным.

Призрак, даже не спрашивая, что ещё ей понадобилось в подвале, подплыл к двери с табличкой. Как он сказал? Потребности ощущает?

На табличке, кроме основной надписи, ничего не было. Но стоило Доре приблизиться, как мелким витиеватым почерком зазмеились слова: «В каждом пейзаже часть ответа». Не успела она дочитать, как строчка вспыхнула и погасла. Словно и не было ничего.

Со стороны выхода послышался требовательный мям, и призрак категоричным тоном заявил: «Нам пора». На этот раз Дора и не подумала тянуть время. Острое ощущение опасности, возникшее, как пишут в романах, «под ложечкой», звало выбираться из подвала по возможности скорее.

Путь вверх она не заметила. В голове было полно других мыслей. Уже в коридоре первого этажа услышала негромкое старческое ворчание из комнаты Арсения Антоновича.

— Ах ты, бездельник! Где только тебя носило? Я уж волноваться начал. Ну что хвост распустил? Знаю, знаю, чего хочешь. На вот, ах, баловник.

Дора тихонько прошла к себе, старательно игнорируя неясное чувство тревоги.

За недолгое время её отсутствия комната волшебным образом преобразилась. Плед на диване превратился в копию собрата, оставшегося в родном городе. На окне трепетали такие знакомые шторы. Дора обратила внимание, что форточка приоткрыта ровно настолько, чтобы пропускать свежий воздух, но не создавать сквозняка. Даже клеёнка на столике была из её кухни. Согласно обещанию Арсения Антоновича, всё образовалось «как подобает».

Снова мелькнула мысль, что надо бы выяснить, знает ли библиограф о призраке и прочем или, живя в своих стариковских фантазиях, воспринимает всё само собой разумеющимся.

Она села на диван и принялась перебирать содержимое рюкзака. Все сохранившиеся осколки прошлой жизни. Подержала в руке телефон, о котором ни разу не вспомнила за последние сутки. Подумав, набрала приятельницу из областной библиотеки. «Вызов не может быть установлен. Пожалуйста, перезвоните в справочную службу вашей сети». Как там говорил призрак? «Торопись. Дни безвременья близко». Торопись. Кошелёк с небольшой суммой и банковскими картами. И пожалуй, самое дорогое — аккуратная стопка исписанных старательным почерком открыток.

Почему-то именно сейчас от одного взгляда на эти послания практически незнакомой старой женщины защемило сердце.

Дора привычно раскинула веером почтовые карточки. Вытянула одну наугад и залюбовалась причудливой игрой света и тени. Изображённый неизвестным художником закат на реке словно демонстрировал красочное шоу, играя пылающими оттенками оранжевого и малинового у горизонта и постепенно смягчаясь до нежно-розового. Всё на картине: и стройные силуэты деревьев, чьи кроны были окрашены в тёплые золотистые тона, и берег, поросший густым камышом, и размытые очертания небольшого мостка — всё создавало особую умиротворяющую атмосферу угадываемого дня. Всё дышало спокойствием и гармонией.

Она бережно собрала открытки, снова перевязала ленточкой и спрятала в рюкзак.

Завтра она подумает, где искать пейзажи, которые хранят ответ. Едва ли речь о чём-то далёком. Скорее всего, это что-то на территории огороженного участка. «В каждом пейзаже часть ответа». Значит, этих пейзажей как минимум несколько. Например, вид на забор, вид на особняк, розовые кусты ещё. Что же там за ответы в этих видах-то?!

Дора в сердцах пнула ни в чём не повинную подушку и встала.

— Синьор Фолианти, а в этой летописи ничего секретно-важного нет? За ней особого пригляда не нужно?

Вышагнувший из стены призрак картинно взмахнул кружевами манжет:

— Ах, в ней не только секретно-важного, но и вовсе ничего важного нет. Она понадобилась нашей любезной Людмиле Петровне в качестве иллюстрации к выступлению на завтрашнем городском симпозиуме. Выносить из библиотеки что-то ценное запрещено правилами, а

эта писанина даже исторической ценности не имеет. Есть подозрение, что подделка XIX века. И скажу тебе по секрету, это истинная правда.

Летопись, претендующая на звание старинной, была убрана в шкаф, а Дора вышла проветриться. Что-то голова начинала гудеть от всё более и более стущающихся непонятностей.

Из комнаты библиографа не доносилось ни звука, хотя время ещё было не позднее. Но всё-таки старый человек. Может, и задремал. И она неслышным шагом отправилась изучать особняк. Вчерашняя попытка поближе познакомиться с ночной библиотекой была прервана встречей с призраком. Кажется, целый месяц прошёл, хотя минули только сутки.

Дора наслаждалась спокойной прогулкой по коридору. Хорошо, что у Шерочки рабочий день давно закончился. И не поймёшь, как за пару встреч уборщица стала пугать больше призрака. Всё здесь с ног на голову перевернуто.

— Ишшшш! Дурищща!

От двери в кабинет заведующей раздался знакомый шелест, и вот уже Страник собственной персоной сердито соткался перед Дорой буквально из ничего.

— Ходишшшш! Время переводишшшш. Маршшш к себе!

Дора остановилась как вкопанная. Страник размахивал руками, и с его плаща во все стороны разлетались буквы, тут же осыпающиеся пылью. Вот и лишний повод уборщице пошуметь.

— Милый Страник, чем я тебя прогневила? Почему мне нельзя пройти по библиотеке?

Страник ещё больше зашипел, зафыркал, как рассерженный кот. И развеялся в воздухе так же внезапно, как появился.

Дора задумалась. Вроде бы библиотечные духи не проявляли к ней агрессии. Напротив, пытались помочь. Что же от неё хотел Страник?

«Торопись. Дни безвременья близко». Так говорил синьор Фолианти. И Страник сердится, что она время теряет. Может, это всё связано? Но что она может у себя в комнате, куда её прогонял Страник, чего не могла бы во вне? У неё же и нет ничего. Рюкзак да открытки. Полсотни пейзажей. О! Да она и вправду дурища, каких мало!

Дора битый час и так и эдак перекладывала открытки, пытаясь понять, что могли бы означать пейзажи. Картины с видами реки в разное время суток перемежались изображениями старинных зданий и скверов. Попадались карандашные наброски перекрёстков — пять штук. Что здесь может быть зашифровано? Какие ответы?

А что если разложить открытки в хронологическом порядке? Несколько однотипных изображений заката, только с разных ракурсов, сменились последовательно: покосившейся колокольней, трёхэтажным зданием советской поры и цветущим лугом. Затем снова река, но уже зимним днём. И так далее. Ничего особенного, за что мог бы зацепиться глаз, в этих картинах она не находила.

Открытки несколько раз были разложены во всяческих вариантах: город в центре, река по периметру; река в верхних рядах, город снизу и наоборот. Дора выкладывала из открыток полоски, квадраты, использовала шахматный порядок, но озарение не спешило к ней.

Пришла мысль, что ответы могут храниться и на обратной стороне пейзажей. Открытки немедленно были перевернуты текстами вверх. Может, нужно искать не в самих пейзажах? Возможно, что-то зашифровано в текстах?

«Мишенька моя, скоро Рождество. Пусть этот светлый праздник принесёт тебе радость. Надеюсь, ты благополучна. А я по-прежнему бодр. Не берёт меня старость. Но тебе думать об этом рано. Остаюсь, твоя Н.».

Это стариковское «мишенька» было так трогательно, что даже не выглядело безграмотным

«Дорушка, поздравляю тебя с приближающейся Комоедицей. Пусть твоя жизнь будет сытной и весёлой. Сама не скучай и миня, старуху, не забывай. Твоя Н.»

«Дорогая моя, с Первомаем! И трудись в меру. Сначала о здоровье надо думать. Не всё ж работать. Надо и отдыхать. Хорошего тебе настроения. Твоя Н.»

«С Троицей тебя, миленькая! Хорошей погоды. А то я уж надеялась погреть старые косточки на летнем солнышке, но эти дожди спутали все планы. Будь счастлива и весела. Твоя Н.»

Она пыталась складывать слова из первых букв в каждом предложении, собирать в единый текст первые слова из каждой открытки. Раз за разом получалась бессмыслица. Она выписала названия всех упомянутых праздников. Безрезультатно. Разглядывание посланий на предмет точек или проколов над буквами тоже ничего не дало.

— Синьор Лучано, — наконец взмолилась она, но не успела озвучить просьбу, как на столе из ниоткуда возникла изящная фарфоровая чашечка, источающая такой аромат, что даже головная боль моментально отступила. От одного только предвкушения.

Кофе помог слегка прояснить мозги и вернуться к работе с новыми силами.

Дора снова и снова вчитывалась в давно заученные строчки, пока не поймала себя на мысли, что старческая безграмотность как-то очень уж избирательна. Вот «милинькая» с ошибкой, а там обычная «миленькая». То же с другими словами. Порой попадались такие перлы, что вообще трудно объяснить, вроде «йа», «тЫ» или «нно». И самое главное — не больше одного изуродованного слова на открытку. Может, стоит выписать эти неправильные буквы?

«И», «и», «я», «о», «з»... Полсотни букв, из которых почти две трети гласных. А среди оставшихся — «ф», «ш», «ь», что никак не добавляло шансов составить осмысленную фразу.

Она со стоном встала и прошлась по комнате. Никогда не была сильна во всех этих шифрах. Снова бросила взгляд на выложенные по порядку открытки. Старухины поздравления так намозолили глаза, что слова с ошибками выхватывались из текста первыми: «милинькая», «миня», «сначала», «спутали»... Так-так!

Дора лихорадочно читала наконец-то получившее смысл послание: «Милинькая, миня сначала спутали з тобой. Нно йа ни тЫ, хоть имья адно. Йа ни подашла, нно тЫ подходиш. Нильзя, штоб догодался. Памру, аставлю дамишко тебе. Можишь прадать. Можишь итти вбиблиотеку. Сможеш остоновить. Хитрай. Хочит сваи грихи перивести. Ни пишы имини никагда. Фсё, што нада знат, скрываит славарь. Неверь...» — на этом текст обрывался. Самое важное осталось не сказанным. Кого она должна остановить? Какой словарь искать? Кому не верить? Почему тётка выбрала столь экзотичный способ донести до неё информацию?

Вопросов было так много, что они не помещались в голове, теснились вокруг, заполняли собою тесную комнатку, душили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.